

УДК [821.161.1(09)БУНИН И.А.+821.161.1(09)
НАБОКОВ В.В.]:821.161.1.(09)ЧЕХОВ А.П.

UDC [821.161.1(09)BUNIN I.A.+821.161.1(09)
NABOKOV V.V.]:821.161.1.(09)CHEKHOV A.P.

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав.
кафедрой русской литературы XX-XXI веков и
истории зарубежной литературы, Орловский
государственный университет

E.A. MIKHEICHEVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian literature
of the XX-XXI centuries and history of foreign literature
department, Orel State University

«ЧЕХОВИАНА» БУНИНА И НАБОКОВА

BUNIN AND NABOKOV'S "CHEKHOVIANA"

Между Буниным и Набоковым на протяжении долгих лет эмиграции происходила своеобразная творческая дуэль, и сближал двух выдающихся представителей «русского зарубежья» интерес к русской классике, к творчеству Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова. В данной статье рассматриваются и сопоставляются их оценки личности и творчества А.П. Чехова.

Ключевые слова: Чехов, Бунин, Набоков, воспоминания, лекция, биография, личность, творчество, проза, драматургия, мастерство.

There was a certain artistic duel between Bunin and Nabokov during the long years of emigration, and the interest towards Russian classics, works by F. Dostoevsky, L. Tolstoy, I. Turgenev, A. Chekhov drew two great writers of Russian abroad community closer. In the article their estimation of A.P. Chekhov's personality and his works is examined and compared.

Keywords: Chekhov, Bunin, Nabokov, memoirs, lecture, biography, personality, works, prose, drama, mastery.

«Многолетние и сложные отношения» связывают Владимира Владимировича Набокова с Иваном Алексеевичем Буниным. Степень влияния на Набокова старшего собрата по перу определяют по-разному. Одни считают, что феномен Набокова мог возникнуть только после Бунина («эпигоном Бунина» называл Набокова А. Твардовский) [3, с.30]. Глеб Струве считал, что Набоков «кое-чему научился у Бунина лишь как стилист», а «по духу и сущности» они совершенно разные [5, с.50]. В «предисловии» к «Лекциям по русской литературе» Набокова Ив. Толстой пишет: «После Бунина в русской литературе не было, пожалуй, писателя, со столь бесстрашной брезгливостью судившего мир за эстетические взгляды и решительной рукой отодвигавшего любые этические доводы» [4, с. 8], тем самым признавая идейно-художественную связь Набокова со своим предшественником.

В эволюции личных взаимоотношений между писателями отмечают несколько этапов: сначала «признание в любви – давнишней любви» Набокова к Бунину и снисходительное внимание мастера к талантливому новичку; далее, в тридцатые годы, – «удручающе-шутливый тон» при встречах и «нотки раздражения» при оценке литературных трудов друг друга; и, наконец, период, когда «слава Набокова мучила Бунина» и «Темные аллеи» он писал, «стремясь вернуть пальму первенства». Суммируя наблюдения, ученый, проследивший эту эволюцию, делает вывод: «Это история любви и ревности, влекущих противоположностей и

отталкивающих сходств, история восхищения, иронии и горького разочарования. Эту историю венчает литературная дуэль» [5, с.42].

При подобном подходе внимание акцентируется на сознательном соперничестве личностей, в то время как, на наш взгляд, речь следует вести о диалоге художников, и в этом случае «полярность» исчезает, «крайности» сглаживаются, остается естественное взаимодействие писателя с близким ему по духу современником. Обращение к личности и творчеству А.П. Чехова у Бунина и Набокова реализовалось в разных жанрах: Бунин, работавший над воспоминаниями о Чехове почти 50 лет (с 1904 до последних лет своей жизни), смысл этой работы видел в воссоздании своих личных встреч, бесед с любимым писателем и другом. Мемуарно-очерковый характер воспоминаний определяет его композицию: отсутствие сюжета, внешнюю разомкнутость отдельных эпизодов, сцен, скрепленных образом самого Чехова и героя-повествователя. Набоков, который 18 лет занимался преподавательской деятельностью (из них 10 лет в Корнельском университете), цель своих «лекций» о Чехове видел в том, чтобы дать представление малообразованным (в отношении русской литературы) американским студентам об одном из выдающихся русских писателей. Его внимание сосредоточено на анализе отдельных произведений Чехова, на своеобразии поэтики его текстов.

Для Бунина, продолжавшего работать над книгой о Чехове и в эмиграции, эти воспоминания стали своео-

бразным возвращением на родину, в молодость. Со второй половины 90-х годов Бунин был «своим человеком в доме Чеховых. «У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым» [1, с.194], – признается Бунин, называет Чехова «одним из величайших и деликатнейших русских поэтов», даёт своё понимание его места в истории русской литературы, хотя сам Чехов очень скромно оценивал свой писательский труд: «Читать же меня будут все-таки только семь лет» [1, с.190].

Бунин пытается осмыслить истоки формирования творческой личности: семья, профессия врача, журналистская деятельность, артистическая среда, любимые писатели – Лесков, Мопассан, Флобер, Толстой, Лермонтов. В очерке сильна документальная основа, начиная с записи в «Метрической книге», которую приводит Бунин. Изумление вызывает «знание жизни» Чеховым, проникновение в человеческую душу в такие ещё молодые годы [1, с.172]. Бунин делится первыми впечатлениями от рассказов Чехова: «Дочь Альбиона» рассказ совсем не юмористический, «Егерь» мне не нравится» [1, с.176]. «В овраге» – одно из самых замечательных произведений не только Чехова, но во всей мировой литературе». Пьесы Чехова Бунин оценивает не слишком высоко: ««...пьесы его далеко не лучшее из написанного им» [1, с. 225-226].

В характере Чехова Бунин отмечает «отсутствие манерности, простоту, естественность»: «любил только искреннее, органическое... положительно не выносил фразёров, книжников и фарисеев» [1,с.180], «не выносил чествований, ненавидел быть центром внимания» [1, с.216], был «благородно-скромным в своем образе жизни» [1, с.184]; приводит примеры сдержанности Чехова как свидетельство «редкой силы его натуры», отмечает «неотразимое очарование его веселости», что не мешало ему давать «суровое в своей неподкупности изображение действительности» [1, с.182], подчеркивает благородство поступков: Чехов и Короленко после неизбрания Горького Почетным академиком отправили заявления об отказе от этого звания.

Зарисовки, иногда мелкие, детальные, дают яркое представление о личности Чехова (ел мало, очень любил порядок, точен и скуп на слова, со всеми был одинаков). Бунин много пишет об окружении Чехова – о матери, сестре, братьях, особо – об Александре Павловиче – «человеке на редкость умном и оригинальном» [1, с. 213], о котором Чехов говорил, что он «слишком одарен». Бунин негативно оценивает женитьбу больного Чехова на О. Л. Книппер, которая «совершенно их другой среды, чем Чеховы»: «Да это самоубийство! Хуже Сахалина!» С Ольгой Леонардовной они действительно оказались очень разными людьми: у нее была своя – театрально-развлекательная – жизнь, в которой гениальному, любящему тишину и домашний уют Чехову не было места. Бунин считает, что у Чехова «была одна большая любовь» – к Лидии Авиловой, оставившей о Чехове очень трогательные воспоминания [1, с.232].

Кроме психологической совместимости, которая у

Бунина наблюдалась очень редко с кем-либо, особенно в писательской среде, они были близки в творчестве, например, приверженностью к жанру рассказа, мастерством пейзажа. Чехов с удовлетворением отмечал творческие достижения Бунина: «Писал ли я Вам насчет «Сосен»? – это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона» [1, с. 205].

Для Бунина Чехов был совестью литературы: «Будь он жив, может быть, все-таки не дошла бы русская литература до такой пошлости, до такого падения, до изломавшихся прозаиков, до косноязычных стихотворцев, кричавших на весь кабак о собственной гениальности» [1, с.235].

А.П.Чехов был одним из немногих писателей, которыми искренне восхищался и В.В.Набоков; молодой писатель и драматург называл Чехова «настоящим художником», мастером письма, «чуждым всякой словесной изобретательности» (2,с.328). Как и Бунин, Набоков отмечает личные качества Чехова, которые, на его взгляд, влияют на его писательскую индивидуальность. Главные черты Чехова – ум, «великая доброта» [2, с. 321], чем объясняется его активное участие в благотворительных делах. Особенность писательского «почерка» Чехова Набоков видит в том, что у него, как у Мопассана, – «короткое дыхание» [2, с. 326] и он является «неповторимым выразителем неповторимого русского типа» [2, с. 328].

Набокова, который в 20-30-е годы много внимания уделял жанру рассказа, интересуют принципы модификации этого жанра в творчестве Чехова. В одной из своих «лекций» о Чехове Набоков приводит «некоторые свойства», присущие чеховским рассказам, в частности тем, которые анализирует Набоков, – «Дама с собачкой», «В овраге». Следует назвать эти свойства, поскольку они присущи и «малой прозе» самого Набокова.

1. История излагается «самым естественным из возможных способов»... так, как рассказывают о самом важном в жизни, неторопливо, не отвлекаясь...

2. Точная, глубокая характеристика достигается внимательным отбором и распределением незначительных, но поразительных деталей, с полным презрением к развернутому описанию, повтору и подчеркиванию...

3. Нет никакой особой морали, которую нужно было бы извлечь, и никакой особой идеи, которую нужно было бы уяснить.

4. Рассказ основан на «системе волн», на оттенках того или иного настроения...

5. Чехову одинаково дорого и высокое, и низкое; «ломоть арбуза, и фиолетовое море, и руки губернатора – все это существенные детали, составляющие «красоту и убогость» мира».

6. Рассказ в действительности не кончается, поскольку до тех пор, пока люди живы, нет для них возможного и определенного завершения их несчастий, или надежд, или мечтаний. [2, с. 337-338]

Набоков анализирует чеховские рассказы, учитывая подготовку слушателей, которым, скорее всего, мало

понятен иностранный текст, с подробным пересказом и комментарием содержания.

В рассказе «Дама с собачкой» (1899) манеру письма Чехова Набоков определяет как «непрерывное спотыкание, но спотыкается человек, заглядевшийся на звезды» [2, с. 330]. Чехов «входит в рассказ «без стука», вводя читателя в центр событий, знакомя с главными героями. Как и Бунин, Набоков отмечает «магию деталей», «изящный прямой бросок» при переходе от одной микро-темы к другой. Например, после портрета жены Гурова, которая мнит себя «мыслящей женщиной», а, по сути, потеряла все женственное, естественной кажется привычка Гурова к неверности, его презрительное отношение к женщине вообще – «низшая раса». И здесь, на отдыхе, в Ялте, им, уже который раз, овладевает «соблазн приключения» [2, с. 333].

Сюжет Набоков раскладывает по «шагам», в каждом «шаге» отмечая главный, психологически значимый «реалистический штрих»: после первой любовной связи потрясению Анны Сергеевны противопоставлен прозаизм Гурова, привыкшего к изменам: он отрезал кусок арбуза и стал не спеша есть. Кульминацией Набоков называет момент московской жизни Гурова, когда он, со своими новыми чувствами, с вдруг родившейся в нем любовью, понимает, что он живет среди дикарей, которых интересуют только карты и обжорство. Мотив однообразия и пустоты, зародившийся в сознании Гурова в круговороте московской жизни, продолжает развиваться во время его поездки в Саратов: унылый забор с гвоздями, облезлый ковер, чернильница с высохшими чернилами, убогая афиша... Набоков с восторгом отмечает у Чехова «очаровательный штрих», «замечательно тонкую и точную сцену» [2, с. 335]. Финал – в духе Чехова, открытый: «Они не находят решения, и в типично чеховской манере рассказ обрывается на полуслове вместе с естественным течением жизни» [2, с. 337].

По тому же принципу строится анализ рассказа «В овраге» (1900). Чехов представляет совсем другую социальную среду – мужичью Россию, но нравы этой среды сопоставимы с нравами дворянства: те же «дикари», то же пренебрежение истинными ценностями. В эпизоде с икрой, которым начинается рассказ (с. Уклеев прославилось тем, что дьячок съел на поминках всю икру – целых четыре фунта), Набоков видит «веселую чеховскую улыбку», хотя, скорее всего, для Чехова – это свидетельство нищеты и убожества крестьянской жизни. Далее Набоков говорит об «обманах», в которые погружались уклеевцы. И вся семья Цыбукиных – «оборотни, прикрывающие обман», их жизнь «пропиталась неправдою». Мотив оборотничества – один из лейтмотивов рассказа [2, с. 344]. Через историю семьи Цыбукиных раскрывается жизнь не только «уклеевцев», но и всей мужичьей России.

Один из излюбленных чеховских приемов – прием антитезы: «системе подмен», укоренившейся во взрослой среде, противопоставлена «детская тема» – воплощение нравственной чистоты и страдания, которая представлена не только ставшим жертвой людской злобы ребенком, но и Липой, полуженщиной-полудевочкой.

Безысходность судеб чеховских героев заключается в том, что ужас не является чем-то исключительным, он – в обыденном: Анися из-за наследства ошпаривает кипятком ребенка Липы, и забитая женщина-подросток даже не в силах указать на убийцу своего сына. Обобщающий смысл страданий подтверждает тот факт, что когда-то всевластный хозяин и вдохновитель всех «обманов» Цыбукин оказывается таким же «униженным и оскорбленным», как и самые слабые – Липа и ее ребенок.

Набоков не слишком высоко ценил Чехова-драматурга, выделяя среди его пьес лишь «Чайку» (1896). Пересказ содержания в «Заметках о «Чайке» особенно подробен, по сценам и образам, с комментарием по поводу «типично чеховских поворотов»: «Изумительно-естественный ход в пьесе, сцепление нелепых мелких деталей, совершенно правдивых, – именно здесь и открывается чеховский талант» [2, с. 356]. Заслугу Чехова Набоков видит в том, что он «нашел верный путь из темницы причинно-следственных связей и разорвал путы, сковывающие пленников искусства драмы» (2, с. 359). Отмечая особенности драматургической техники Чехова, Набоков называет его «непревзойденным мастером паузы», его герой может произнести «прелестный монолог почти на три страницы» («он так хорош, так типичен для автора»), но это не всегда понимает и принимает «рядовой зритель». Интерес автора сосредоточен «в самой запутанности сюжетных линий, в художественных полунамехах» [2, с. 363]. «Слабое место автора» Набоков видит в изображении «молодой поэтичной женщины»; на его взгляд, «Нина немного фальшива» [2, с. 362], и этот недостаток он объясняет тем, что Чехов «был недостаточно знаком с искусством драматургии» [2, с. 366].

Таким образом, преследуя разные цели, оценивая Чехова с разных позиций (Бунин сосредоточен на характеристике личности Чехова, на определении его творческой индивидуальности, Набоков – на анализе наиболее близких ему произведений Чехова), Бунин и Набоков во многом сходятся, отмечая своеобразие чеховской личности и неповторимость его писательского таланта. Оба дают высокую оценку мастерству Чехова-рассказчика, в качестве примера приводя рассказ «В овраге». Попытки же Чехова перестроить драму, за исключением отдельных новаций, и Бунин, и Набоков считали неудавшимися.

Библиографический список

1. Бунин И.А. О Чехове // Собр. соч.: В 9 т., Т.9. М.: Художественная литература, 1967.
2. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М. Изд-во Независимая газета, 1998.
3. Твардовский А.Т. О Бунине // И.А. Бунин. Собр. соч.: В 9 т., Т.1. М., художественная литература, 1965.

4. Толстой И. Несколько слов о «главном герое» Набокова // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Изд-во Независимая газета, 1998.
5. Шпраер М.Д. Бунин и Набоков: поэтика соперничества // И.А.Бунин и русская литература XX века. М.: ИМЛИ РАН, 1995.

References

1. Bunin I.A. About Chekhov. // Collected works: In 9 vols. Vol. 9. M., 1967.
 2. Nabokov V.V. Lectures on Russian literature. M., 1998.
 3. Tvardovsky A.T. About Bunin // I.A. Bunin. Collected works: In 9 vols. Vol. 1. M., 1965.
 4. Tolstoy I. Some words on Nabokov's "main hero" // Nabokov V.V. Lectures on Russian literature. M., 1998.
 5. Shraer M.D. Bunin and Nabokov: poetics of the rivalry // I. Bunin and Russian literature of the XX century. M., 1995.
-
-